

**В диссертационный совет Д 002.018.02, созданный на базе
Института российской истории РАН**

ОТЗЫВ

на диссертацию Евгения Юрьевича Колобова
на тему

«Создание и деятельность Союза писателей РСФСР (1957–1965 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.02.

Непростые отношения между властью и интеллигенцией не ушли в прошлое с распадом СССР, а противоборство между консервативными и либеральными тенденциями развития литературы сейчас, пожалуй, приняло более открытые формы, чем когда-либо. Хотя характер и способы взаимоотношений художественной (да и научной) интеллигенции с государственным аппаратом сильно (порой неузнаваемо) изменились, сущность связей между ними (критичный настрой, с одной стороны, и стремление держать всё под своим контролем, с другой) остались во многом прежними. Всё это позволяет без каких бы то ни было натяжек говорить об актуальности избранной диссертантом темы.

В то же время эта тема неплохо обосновывается в детальном, обстоятельном, довольно критическом и с интересом читаемом историографическом обзоре. Нет претензий к выбору объекта и предмете исследования, к анализу корпуса источников.

Диссертация Е.Колобова обладает несомненной новизной. Не говоря уже о значительном количестве введённых в научный оборот архивных материалов и широком круге источников личного происхождения (интервью с непосредственными участниками литературного процесса 1950–1960-х гг., в основном провинциальными писателями), сама тема её до сих пор не была объектом и предметом научного исследования, успех которого во многом определился тем, что оно проводилось в контексте общей истории СССР конца 50-х – начала 60-х, когда в ходе десталинизации, сопровождавшейся некоторой либерализацией, шёл поиск новых форм партийно-государственного, экономического и идейно-культурного управления, когда созданию Союза писателей РСФСР предшествовало разделение некоторых отделов ЦК КПСС на те, в ведении которых переходят партийные организации Российской Федерации (под общим руководством специального Бюро ЦК КПСС по РСФСР), и те, которым поручено заниматься партийными организациями остальных союзных республик. Этот контекст в диссертации вполне выявлен.

Уделяя много внимания тому, как СП РСФР занимался сугубо профессиональными делами (организация издательства и журналов, материальное положение литераторов и т.п.), диссертант не упускает из виду и все факты, касающиеся общественно-политических настроений среди «инженеров человеческих душ». Так, говоря о том, как проходили выборы делегатов на учредительный съезд этой организации, особо останавливается на том, что в Ленинграде были забаллотированы редакторы всех трёх тамошних журналов («Звезда», «Нева» и «Русская литература»), охарактеризовав это как своеобразное отражение «демократических преобразований, порожденных XX съездом партии» (с. 110). Не проходит диссертант и мимо такого пассажа, как беспокойство партийных кураторов учредительного съезда по поводу того, что на нём такие консервативно настроенные литераторы, как Н.Грибачев, А.Софронов и В.Кочетов получили значительное количество голосов «против», автор десятка исторических романов Сергей Голубов в своём выступлении утверждал, «что у нас, якобы, нет художественных произведений, которые можно было бы противопоставить антисоветскому роману Б.Пастернака "Доктор Живаго"», а проректор Литературного института Юрий Лаптев высказал крамольную вещь, что «не все выступающие выражают свои мысли и говорят то, что могли бы сказать» (с. 134).

Затрагивая непростые порой отношения областных литераторов с властью на местах, диссертант в качестве наглядного примера приводит историю противостояния Омского обкома КПСС с очеркистом Л.И.Ивановым, который резко выступал против повсеместного насаждения кукурузы без учета региональной специфики и которого, несмотря на резкую критику со стороны начальства местного партийного руководства, а также обвинения в периодической печати начала 60-х гг. за «умаление сельскохозяйственной науки» и «проповедь отсталости, возвращения к дикости», тем не менее поддерживали такие публицисты как В.В.Овечкин, но и литературные генералы вроде Г.М.Маркова и К.М.Симонова (см. с. 160).

В этой связи интересен приведённый в диссертации факт публикации во Владимире первой поэтической книги Андрея Вознесенского «Мозаика». В начале 1961 г. бюро Владимирского обкома КПСС предприняло меры административного взыскания в отношении руководства областного книжного издательства. Его главный редактор К.Л. Афанасьева была уволена, а начальник обллита В.В. Нильский получил выговор (см. с. 167-168).

Интересны приводимые в диссертации новые, архивные сведения об обстоятельствах печатания сборника «Тарусские страницы» и реакции на это издание Калужского обкома КПСС –

первоначальной, спокойной, и последующей, явно инициированной из Старой площади (см. с. 169-170).

Говоря о противоборстве либеральных и консервативных тенденций в литературной политике в начале 1960-х гг., Колобов не обходит вниманием и судьбу рукописи романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба», добавляя в общеизвестный сюжет (арест рукописи, письмо Хрущёву и встреча с Суловым) существенную деталь участия в этой истории литературных генералов, в том числе представлявшего СП РСФСР С.В.Сартакова (см. с. 166).

Противоборство либералов и консерваторов проявлялось и в отношениях между столичными и региональными организациями литераторов, в том, что, как объясняется в диссертации, последние чувствовали себя обойдёнными вниманием центра, а потому испытывали нечто вроде ревности к тем, что ходил там в любимчиках публики, что наглядно проявилось на выездном пленуме Секретариата Правления СП РСФСР в Ростове-на-Дону (см. с.177-179).

Своё исследование идейно-политической стороны деятельности Союза писателей РСФСР диссертант дополняет делом об исключении из союза Ю.Г.Оксмана, сюжет о котором «практически не упоминался в отечественной и зарубежной историографии» (если не считать передачи «К 120-летию со дня рождения и 45-летию со дня смерти Юлиана Оксмана» на радио «Свобода» 13.09.2015. – Ю.А.), но которое, с точки зрения автора, важно, «прежде всего, как факт, демонстрирующий продолжение консервативной линии в литературе и общественной жизни исследуемого<...> периода». А «недостойное поведение» этого ученого-филолога заключалось в нелегальной переписке с редактором эмигрантского журнала «Русская мысль» Глебом Струве. Но доказать публикацию им там своих антисоветских материалов Комитету государственной безопасности не удалось, поэтому возбуждённое, было, уголовное дело было прекращено, а Оксман превратился в «свидетеля шпионско-пропагандисткой деятельности американских лиц». По мнению диссертанта, вероятнее всего «КГБ и директивные органы, не желая действовать напрямую, поручили «грязную работу» писателям», а принятое руководством последних решение «можно рассматривать как некий инструмент в деле писательской консолидации перед предстоящим съездом» (с. 194-195).

А неким сигналом литераторам, либералам в том числе, о смене политического курса в стране и литературе, диссертант считает вступительное слово М.Шолохова на торжественном открытии 2-го съезда Союза писателей РСФСР 3 марта 1965 года, когда тот призвал собравшихся не заниматься «всепрощением» и «безжалостно

отметать» во имя «прочного единства» всё, что мешает работе литераторов (с. 199).

Вообще, структура диссертации выглядит логичной, а текст, за небольшими исключениями, изложен ясно и понятно.

Вот на этих исключениях мне бы и хотелось остановиться, высказать несколько замечаний и пожеланий.

Так, касаясь того места историографического обзора, где говорится о монографиях Зубковой, Пихои и моей лично, думается, было бы лучше избежать таких преувеличенно оценочных выражений, вроде того что они «справедливо» отмечали неизбежность изменений в политической, экономической и культурной жизни страны, происшедших в период правления Н.С. Хрущева (с. 9). Мне кажется, что и сейчас можно найти немало людей, которые поставят под сомнение эту самую «неизбежность». То же самое можно сказать и о том месте обзора, где речь идёт о работе Зезиной (с. 15). И вообще наречие «справедливо» чересчур часто встречается в тексте (с. 26, 49 и др.). Да и слово «верно» (с. 26) можно заменить словом «так».

Более существенным представляется уточнение диссертанта, касающееся утверждения Пихои о том, что в результате рассекречивания архивных фондов «исследователям стали доступны важнейшие политические документы недавнего прошлого». По мнению Е.Ю. Колобова, «многие уже давно рассекреченные документы годами недоступны для *отечественных исследователей* из-за произвола и проволочек со стороны работников некоторых исторических архивов». Признавая, что недавно всё же стали доступны для российских ученых документы из фондов Секретариата ЦК КПСС, личных фондов Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.А. Суслова и некоторые документы из фонда Политбюро в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), он сетует на то, что «остаётся недоступным для историков давно рассекреченный фонд Л.Ф. Ильичева, еще в конце 1990-х переданный в РГАНИ из Архива Президента Российской Федерации» (с. 12).

Вообще-то, исходя из личных наблюдений, могу свидетельствовать, что работа государственных архивов проходит в необыкновенно открытом режиме. Любой гражданин РФ имеет возможность прийти туда, причём без обязательного ещё недавно направления с места работы, и попросить выдать ему в читальный зал любые интересующие его документы. Могут, правда, сказаться ограничения, касающиеся материалов личного характера. Само понятие это очень широко, а потому порою возникают коллизии в отношениях с читателями. Но и тут в последние несколько лет

наблюдается прогресс: вам выдадут запрашиваемое вами дело с просьбой не заглядывать в содержащиеся там особом образом (в конверте, например) его часть. Если же архивные документы ещё по каким-то причинам остаются на закрытом хранении, в региональном архиве можно написать заявление с просьбой рассекретить их и через две-три недели получить для ознакомления. В федеральных архивах правила рассекретивания, введённые ещё в 1993 году, более жёсткие, и в соответствии с ними занимающаяся этим межведомственная комиссия работает не спешно, по плану, составленному на много лет вперёд. И, как мне разъяснили в РГАНИ, её руки до фонда Ильичёва дойдут не раньше 2220 года.

Трудно отнести Владислава Зубока к числу «современных западных исследователей» (с. 28). Скорее, это русский историк, который последние 20 с лишним лет живёт и работает на Западе.

Может быть, в предмет исследования (с. 32) стоило включить не только деятельность Оргкомитета, но и избранного потом правления СП РСФСР.

В основу своей теоретической работы диссертант положил институциональный принцип (с. 32), дополненный хронологическим изложением материала внутри глав, что мне представляется правомерным. И жаль, что заданная таким образом последовательность не всегда строго соблюдается. Понятно намерение автора подчеркнуть, что решение создать Союз писателей РСФСР принималось не самими писателями, а в высших партийных сферах. Поэтому он вначале говорит о выступлении Хрущёва на встрече с творческой интеллигенцией 19 мая 1957 года, где тот «высказал мысль» (на самом-то деле согласился с мыслью) создать такой союз, потом касается «промежуточного» решения Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 23 мая (поручить отделу науки, школ и культуры вместе с СП СССР внести соответствующие предложения. И лишь после этого рассказывает о том, как эта идея обсуждалась на расширенном заседании Президиума Правления СП СССР 18 мая. Но, наверное, изложение этого сюжета выглядело бы более логично, если бы автор, не нарушая временной последовательности, сказал бы об этом заседании прежде, чем о последующих выступлениях Хрущёва и решении Бюро ЦК КПСС по РСФСР, тем более, что идея-то была уже обговорена если и не с самим Никитой Сергеевичем, то с близкими ему в то время людьми. Да и процитированные диссертантом его слова о том, что «Российская Федерация была в невыгодном положении», что «Россия лица не имела», сказаны были им не 19 мая, как может сложиться впечатление, исходя из всего прочитанного (оговорка «в ходе встречи с интеллигенцией», не сопровождаемая датировкой этой встречи, ни о чём не говорит), а неделей раньше, как это правильно указано в сноске. Именно там он

действительно пару раз коснулся этого вопроса и согласился с тем, что «может быть, надо подумать о каком-то органе Союза писателей Российской Федерации» - затем, чтобы этот орган проявил заботу о писателях, живущих и работающих вне столичных городов, дав им, помимо всего прочего, возможность «воздействовать на Москву, на московских писателей», позиция которых его сильно беспокоила. Упрекнув Фурцеву в том, Московский городской комитет КПСС «немножко либерально подошёл» к этому вопросу и сказав, что «нельзя быть зрителями того положения», когда бы «в Москве разводилась гниль», что необходимо с этим бороться, он в то же время оговорился, что «было бы очень хорошо, если бы вы сами это сделали, без нашего вмешательства», а не подбрасывали «неприятные дела на плечи Центрального комитета». Так что чёткое представление о хронологической последовательности указанных фактов позволяет лучше понять причинные связи исследуемых явлений.

Несколько вопросов возникает при чтении обзора источников.

Да, это хорошо, что использован такой их корпус, как архивные материалы Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР и его местных отделений (протоколы и стенограммы заседаний, материалы различных творческих комиссий, рецензии, переписка и личные обращения писателей, в основном связанные с оказанием материальной помощи, по жилищным вопросам). А почему нет материалов, отложившихся в результате деятельности их партийных организаций? Ведь именно там по существу решались кардинальные вопросы и взаимоотношений власти с писателями, и творческие судьбы многих из них.

Чудесно и то, что диссертант не оставил без внимания воспоминания об эпохе «оттепели» таких политических деятелей, как Н.С. Хрущев и Д.Т. Шепилов, а также таких литераторов, как Е.А. Долматовский, В.Д. Дудинцев, Е.А. Евтушенко, В. Каверин, Д.С. Самойлов и К.М. Симонов (с. 38). А почему бы не пополнить этот перечень «Причудами памяти» Д. Гранина, «Заметками писателя» А. Крона, или «Мы жили в Москве» Р. Орловой и Л. Копелева?

Не имея ничего против разделяемого диссертантом общепринятого мнения, что дневники в отличие от мемуаров более точны в фактическом изложении событий и менее тенденциозны, поскольку фиксируют происходящее непосредственно в момент его совершения», хочется тем не менее не согласиться полностью с его ссылкой на то, что раз дневники изначально, как правило, не предназначаются для последующего опубликования, то и авторы в них «более откровенны, над ними не довлеет внутренний цензор». Если так можно сказать о привлечённых диссертантом для его исследования дневниках А.Т.Твардовского и В.Я.Лакшина, то отнюдь

не о дневниках К.И.Чуковского, который, как продукт эпохи сталинизма, ухитрялся собственное мнение изложить устами кого-нибудь другого, допустим К.А.Федина. Кстати, за впервые введенные в научный оборот дневники последнего, в советское время основательно «подчищенные» и содержавшие лишь бытовые подробности жизни писателя и его близких, автора настоящего исследования следует особо похвалить (с. 38-39). И тем не менее хочется спросить: а что, опубликованные дневники Ю.Нагибина, откровенные порой до предела, разве в них нет ничего по интересующей диссертанта теме? А в дневниках, записных книжках и письмах К.Воробьева?

Уж коль через всю диссертацию красной линией проходит связь между СП РСФСР и таким директивным органом как Бюро ЦК КПСС по РСФСР, то неплохо было бы удерживать эту линию до конца и, упоминая о встрече с секретарём ЦК КПСС А.Б.Аристовым (с. 99), уточнить, что это первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

На с. 91-92 говорится о докладе, сделанном В.Катаевым на открытом партийном собрании московских писателей, в котором подвергся новой критике целый ряд литераторов за проявленную ими склонность к либерализму. Лично я предполагаю, что доклад этот делался от имени Правления СП СССР (из текста диссертации это не ясно). Но разве не интересно было бы знать, как сам докладчик – известный либерал – оценивал это своё выступление (а также своё сетование по поводу недостаточного осуждения Пастернака в проекте доклада учредительному съезду – с. 112) впоследствии, когда писал мемуары.

Особо считаю необходимым остановиться на некоторых местах текста, которые трудно не назвать небрежно изложенными, а потому сложными для понимания. Так, не совсем ясно, что не понравилось отделу культуры ЦК КПСС в статье «За боевую театральную критику», напечатанной «Литературной газетой» 23 (в другой сноске указано 28) апреля 1953 года (см. с. 45). Говоря об обнаруженном им ряде произнесенных речей на учредительном съезде, диссертант пишет: «В документах упоминается и о поступивших в секретариат съезда анонимных письмах, которые не сохранились. Среди них несколько обращений камчатских литераторов, письмо студентов Литературного института им. М. Горького, тексты произнесенных речей писателей из Ставрополя, Читы, Рязани и других регионов Российской Федерации» (с. 131-132). Такое небрежное соединение двух фраз с разным содержанием может создать у читающего впечатление, что «среди них» - это среди анонимных, тогда как тексты произнесенных речей таковыми считаться нельзя.

Вообще отношение диссертанта к приводимым им фразам и цифрам оставляет желать лучшего. Откуда, например, он взял, что на 500 тысяч тогдашнего населения Якутии на долю коренных жителей якутов приходилось всего 20 тысяч (см. с. 192)? Терминологических ляпсусов в диссертации, к сожалению, встречается немало. Так, на с. 116 сопроводительная записка к письму Аристова и Пospelова (почему-то не датированная) названа «пометой», тогда как этим словом обозначается надпись, запись, знак, отмечающий что-либо на полях документа или книги. Более точным во всех смыслах (и историко-политическом, и грамматическом) сказать не «появилась "оттепель"» (с. 177), а «почувствовалась».

Наверно, на с. 69 лучше было бы сказать, что решение Бюро ЦК КПСС по РСФСР в августе 1957 г. о составе Оргбюро СП РСФСР, отражало не «консервативный поворот в партийной политике», а очередное её колебание, на сей раз в сторону консерваторов. Ведь были и другие повороты. На с. 75, где говорится о хлопотах Хабаровского крайкома КПСС по поводу журнала «Дальний Восток», этот партийный орган вначале назван правильно, а несколькими строками ниже – обкомом. На с. 94 вместо «номеров» надо бы употребить слово «экземпляров».

Оставляет желать лучшего транскрипция англоязычных имён: не Данэм, а Данхем, не Г.Гибиан, а Дж. Гибиан (с. 27).

Ну и, наконец, не всегда оправдано частое отсутствие развёрнутых сносок, особенно если из цитируемого текста не ясно, какой источник имеется в виду.

В целом же, следует отметить, что степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в исследовании, их достоверность и новизна не подлежат сомнению, работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям, так что её автор, Евгений Юрьевич Колобов, вполне достоин присвоения ему учёной степени кандидата исторических наук.

АКСЮТИН Юрий Васильевич, доктор исторических наук
(отечественная история)

Московский государственный областной университет (МГОУ):
историко-филологический институт; факультет истории, политологии и
права, кафедра новейшей истории России, профессор;
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 а; телефон: (495) 780-09-43,
доб. 1342, e-mail: office@mgou.ru

Список основных публикаций официального оппонента по теме диссертации:
- Эволюция общественных настроений в СССР (1950-1970-е гг.). // Свободная
мысль. 2013. № 3.

- Public Sentiments in the USSR 1953-1968. Eyewitness Reminiscences and Retrospective Interviews. // De-Stalinisation Reconsidered: Persistence and Change in the Soviet Union. - Frankfurt-an-Main – New-York: Campus-Ferlag, 2015. P. 239-251

- Леонид Ильич Брежнев: Человек в политике и политика в человеке. – М.: изд.МГОУ, 2014. В соавторстве с О.В.Волобуевым и В.В.Журавлёвым.

- статьи о Пономарёве, Пономаренко, Поспелове и Сулове в Большой Российской энциклопедии (тома 27 и 30), а также о Сулове и Хрущёве в Московской энциклопедии (том 1, книги 4 и 5. – М.: «Москвоведение», 2012)

